

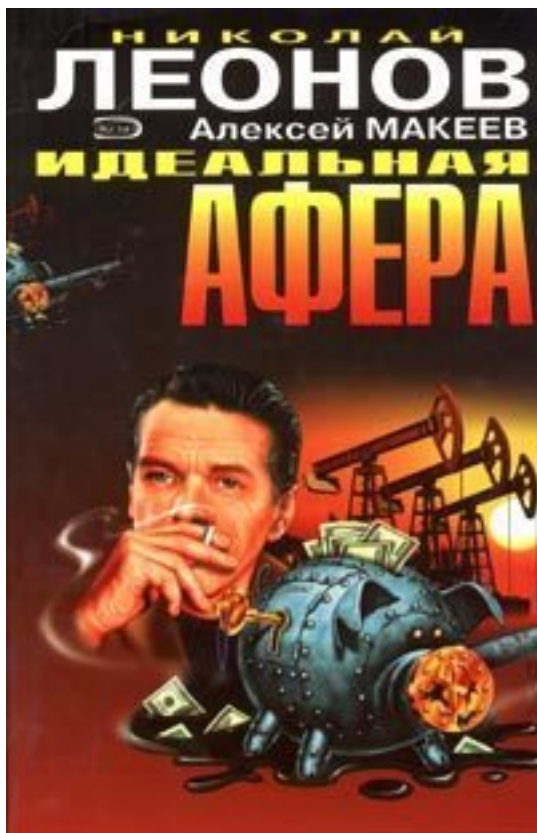
НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

ИДЕАЛЬНАЯ

АФЕРА

Алексей Макеев
Николай Иванович Леонов
Идеальная афера
Серия «Полковник Гуров»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162681
Идеальная афера. След оборотня: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-08061-9

Аннотация

Заведующую экспертной лабораторией, исследующей образцы нефти, отравили угарным газом. И как только полковник Гуров занялся этим делом, погиб ее заместитель. Убийцу задержали, но допросить его так и не удалось – он покончил с собой в камере. Кажется, все следы потеряны, а свидетелей убрали. Местные «пинкертоны» опустили руки. Но если Гуров взялся за дело, он доведет его до конца. Сыщик предлагает провести повторные экспертизы образцов в лаборатории. Гуров уверен, что какой-то «нефтяной магнат» проворачивает грандиозную аферу с нефтью.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	34
Глава 3	58
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Николай Леонов, Алексей Макеев Идеальная афера

Пролог

Этот январский денек выдался не просто хорошим, а идеально предназначенным для лыжной прогулки по лесу. После полудня легонький снежок, сыпавший с утра, перестал, солнце, сначала робко проглядывающее сквозь разрывы редящих облаков, ближе к закату засияло в полную силу, отсверкивая на гладком насте в колеях лыжни ало-розовыми отблесками. Игольчатые кристаллики инея, опушившие хвою могучих елей, переливались в предзакатном свете, придавая мрачному ельнику удивительно праздничный, сказочный вид. А чуть ниже, в небольшой балочке, нежно мерцали в переливах косых солнечных лучей светло-зеленые стволы молодых осинков. Воздух был чист, свеж той особой, ни с чем не сравнимой зимней свежестью, когда вдохнешь – и кажется, что впервые дышишь по-настоящему, а существование двигателя внутреннего сгорания с мерзким выхлопом, да и вообще всей городской техногенной цивилизации представляется дурацким вымыслом. А уж в то, что

громадный мегаполис рядом, всего в нескольких километрах от этого зачарованного январского леса, где уютно расположилось двухэтажное бревенчатое здание одной из лыжных баз МВД России, вовсе не верится.

«До чего же погода прекрасная, – подумал Гуров, остановившись перед спуском в осиновый распадок и переводя дух после длинного подъема-тягуна, – везет нам, все как по заказу, не иначе у друга и соратника блат в небесной канцелярии. Спасибо Стасику, уговорил выбратся, Маша, слава небесам, свободной оказалась. Сами мы с ней собирались бы, пока снег не сошел. И морозы пока Москву стороной обходят, ни рождественских, ни крещенских. Минус пять, это ж благодать настоящая, лыжи прямо сами катят, молодец я какой, точно угадал с мазью!»

Старший оперуполномоченный Главного управления уголовного розыска, полковник милиции Лев Иванович Гуров любил лыжные прогулки. Он вообще оставался для своих лет на редкость спортивным, сохранял отличную физическую форму, может быть, потому, что предпочитал, по его собственным словам, «естественные» виды спорта: бег, плавание, греблю, ну а зимой – лыжи. Правда, времени на столь полезные для здоровья занятия у него катастрофически не хватало: профессия сыщика захватывает человека полностью, не оставляя ему ни нормальных, регулярных, выходных дней, ни праздников. Отпуск? Он уже не помнит, когда последний раз был в отпуске. Однако в этот прекрасный ян-

варский воскресный день Гуров мог позволить себе расслабиться, хоть на время забыть о своей трудной, порой опасной, но такой любимой работе.

– Лев! – окликнул его сзади возбужденный, радостный женский голос, и из-за громадной темно-зеленой ели плавно вывернула стройная фигурка в черно-оранжевом, очень нарядном лыжном костюме и яркой вязаной шапочке. – Ты никак меня дожидаясь? Спасибо, а то я запыхалась на тягуне. Думаю – вот укатит сейчас мой дорогой супруг, а я в трех соснах, – она звонко рассмеялась, – елках то есть, заблужусь, базу не отыщу, и съедят меня злые голодные волки! Они тут как, водятся?

– Ну, – улыбнулся Гуров, – если какой из зоопарка на Красной Пресне удрал, тут до него по прямой километра три. А правда не верится, что Москва совсем рядом? Лисицы, кстати, водятся: вон видишь, чуть вправо и вперед от лыжни, где пенек? Не поленись, посмотри – следы, как у небольшой собачки, но все пальцы на лапках сомкнуты вместе, а не растопырены. Увидела? Эта она, рыжая, пробежала!

Мария Строева, жена Гурова, известная и весьма популярная актриса, восторженно поахала над лисичкиными следами, а затем, подъехав ко Льву, крепко поцеловала его, чуть не потеряв при этом равновесия и не свалившись. На лыжах не особенно поцелуешься...

– Спасибо, Левушка, что уговорил меня вчера! Нам бы почаще с тобой... – Она не договорила, только улыбнулась

с легкой грустью в глазах, прекрасно понимая, что при их с мужем профессиях и образе жизни такие деньки перепадают не часто. – Стасик, я так поняла, нас дожидаться не стал, прямиком в избушку рванул?

– Именно. А мне сообщил, что через полчаса организует великолепный шашлык, мясо он еще с вечера замариновал, не поленился трехлитровую банку сюда переть. Шампуры на базе есть, мангальчик тоже, а Крячко кулинарить не меньше тебя любит.

– Ну не все же, как ты, – звонко расхохоталась Мария, – впадают в восторг от магазинных пельменей! Бедный Стасик, мы с тобой тут целуемся на фоне зимней природы, а он вкалывает.

Гуров тоже рассмеялся. Он умел готовить, но заниматься этим делом не любил. Времени сколько отнимает, а главное – обидно. Стараешься-стараешься, ан раз – и все слопали! Поэтому, оставаясь один – Мария часто уезжала на гастроли – или мотаясь по командировкам, он действительно предпочитал пресловутые пельмени: быстро, дешево и сердито, особенно если перца туда побольше. А также кетчупа. Сослуживцы, зная эту склонность, втихую над ним подхихкивали и на день рождения в числе прочих подарков вручили Льву фирменный десятикилограммовый пакет «Богатырских», из тех, что предназначены для общепитовских заведений, изящно перевязанный шелковой ленточкой.

– Ничего с ним не случится, – со свирепым видом заявил,

отсмеявшись, Гуров. – Пусть кухарит в порядке мелкого подхалимажа – в конце-то концов, начальник я ему или не начальник?!

Самое смешное заключалось в том, что Лев приходился Станиславу Васильевичу Крячко, тоже полковнику и старшему оперуполномоченному того же управления, именно начальником, а Стас был его замом. А также лучшим другом, не раз бывавшим вместе с Гуровым под пулями бандитов. Следует заметить, что и бандитам приходилось бывать под пулями друзей, причем с завидной стабильностью выходило так, что одержавшей победу стороной становились отнюдь не «романтики с большой дороги». Блестящий сыскной тандем Гуров—Крячко прославился уже не только в Москве, но и в масштабах всей России, а молодые сотрудники управления смотрели на неразлучную пару как на живую легенду. И вот сейчас один из персонажей этой легенды, «друг и соратник», как называл его Лев, занимался столь мирным делом, как сотворение шашлычка... Не все ж без передыху мафиозных личностей ловить, иногда и расслабиться можно. Именно заводной, неутомимый Крячко чуть ли не насильно вытащил Льва с Марией в зимний лес, за что оба они были Стасу необыкновенно признательны.

Гуров, а следом и Мария развернулись на невысокой горушке чуть вправо и покатали по отлогому склону вниз, в осиновый подрост, за тонкими веточками которого уютно дымила трубой двухэтажная «избушка» лыжной базы. Впе-

реди у них был еще долгий-долгий счастливый вечер.

Глава 1

Рабочий день начинался спокойно, хотя по народной примете понедельник – день тяжелый. У Гурова чуть ли не в первый раз за последние полтора месяца не висело над душой ничего особо серьезного, так, мелкая рутина. Надо было дооформить материалы по последнему делу, ибо известно: поймать преступника – это не самое сложное, а вот грамотно отписаться... Кроме того, у Льва давно руки не доходили заняться составлением лекционного плана курса «Тактика оперативной работы», который он читал в ВАМВД им. Дзержинского. Гуров хоть и ворчал иногда, дескать, рано ему, практику, лекции читать, он еще годен бандитов ловить, а вот уж когда совсем песок сыпаться начнет, тогда можно опытом с молодежью поделиться, втайне гордился тем, что руководство академии обратилось с просьбой прочитать своим слушателям этот курс именно к нему.

Около десяти в их общем кабинете появился «друг и соратник». Невыспавшийся и хмурый, что составляло разительный контраст со вчерашним Стасом – озорным, веселым и страшно довольным жизнью вообще и удавшейся лыжной прогулкой в частности. Слегка удивленный таким настроением друга, Лев поинтересовался, какая муха его укусила и с той ли ноги пан Крячко сегодня встал. Выяснилось, что Станиславу приснился кошмарный сон: всю первую полови-

ну ночи за ним гонялась здоровенная черная собака с тремя хвостами, намеревавшаяся его зверски искусать. Это бы еще ничего, но, когда Крячко, отплеываясь от такого похабного сновидения, вскочил в три часа ночи, выпил стаканчик холодного чая и, улегшись сызнова, с трудом заснул опять, кошмар повторился. Только теперь – и продолжалось это непотребство всю вторую половину ночи, до самого утра, – уже сам полковник Крячко в парадном мундире, но почему-то босиком гонялся за проклятушей треххвостой псиной. С тем же, что особо любопытно, злодейским намерением...

– Зигмунда Фрейда на тебя нет, – отсмеявшись, заметил Гуров. – Или Эриха Фромма. Они бы в момент объяснили, что твой Цербер наоборот означает.

– Почему наоборот?

– Потому что у настоящего было три головы, а хвост как раз один.

Злоключения продолжали преследовать Крячко и после пробуждения. На работу выходить было рано, и Станислав, дабы скоротать время, решил наконец отгладить давным-давно выстиранную белую рубашку, заодно опробовав подаренный ему на Новый год суперутюг фирмы «Филипс».

Не управившись с программированием хитроумного агрегата, Крячко прожег в почти новой рубашке здоровенную дыру.

– У этой мерзопакостной буржуйской техники, – горько жаловался он Гурову, – одних кнопок штук пятнадцать, да

еще три ручки для кручения, и около каждой чего-то мельenkими буквами по-английски накорябано. Я на одну нажал, так он, зар-раза буржуйская, «Let It Be» запиликал, видать, чтобы мне гладить веселей было! А рубашку сжег, паскудина импортная, потому как разогревается за пару секунд чуть не добела, я ж к такому не привык!

Кроме того, добираться на любимую работу Станиславу пришлось на метро: его знаменитый на все управление черный «Мерседес» опять находился в ремонте. Крячковская машина была настоящим автомобильным монстром, таким дедушкой немецкого автомобилестроения и давала сослуживцам-острословам неистощимый материал для дружеских подначек и подколов. Крячко упрямо отказывался сменить свой жуткий рыдван на что-нибудь более современное, утверждая, что прикипел душой к своему стальному коню и относится к «мерсу» как к живому существу. Лишь немногие – Гуров в их числе – знали, что под неказистой внешностью скрыт любовно перебранный Стасом по винтику форсированный мотор, идеально отрегулированная подвеска и коробка передач, так что и на шоссе, и по бездорожью «дедушка» мог дать прикурить любому сопернику.

В подземке Станиславу наступили на ногу, а когда он с ехидным «извините» попросил с пострадавшей ноги слезть, вдобавок обхамили, обозвав недобитым интеллигентом.

– Нет, ты представляешь, Лев, – живописал возбужденный Крячко подробности транспортного эпизода, – стоит на

моей правой ногой здоровенный мордovorот с такой харей, что втроем не обгадишь, да еще хамит! А у меня настроение после ночной беготни с треклятой собакой поганое, рубашку до слез жалко и ноге, кстати, больно! Я этому хрюнделю говорю, ласково улыбаясь: «Какой же я, к песьей матери, интеллигент? Это покойные академики Сахаров с Лихачевым интеллигентами были, а я такое же быдло, как и ты, милейший, разве чуть повоспитаннее». А сам, грешным делом, думаю, что хорошо бы эта жертва аборта завелась – отношения выяснять полезла, потому как ужасно мне охота ему в рожу от души заехать.

– Ну и?.. – постанывая от смеха, поинтересовался Гуров.

– Нет в жизни счастья! Пока этот придурок соображал, оскорбил я его или нет, аккурат к моей станции подъехали...

Излив Гурову душу, Станислав малость успокоился и даже повеселел. Он выкурил традиционную сигарету, так как чтит правило, что любую, пусть самую маленькую, работу надо начинать с большого перекура, после чего уселся напротив Гурова за «Пентиум» – сортировать накопившееся «мыло» и разбираться с управленческими оперсводками за прошедшие выходные: по негласной договоренности, за эту часть ежедневной рутинной работы отвечал он. Правда, время от времени Крячко мрачно бормотал себе под нос что-то об импортных утюгах, о треххвостых собаках, которые просто так не снятся, а наверняка предвещают какую-то пакость, и еще проявят свою подлую сущность.

В начале второго стоящая на углу гуровского стола «внутряшка» призывно замяукала. Лев снял трубку:

– Полковник Гуров слушает. А, Петр, здравствуй! Как понимать «не могу ли я к тебе спуститься»? Тебя что, по секрету от нас с Крячко уже поперли из начальников управления? Нет? Я очень этому рад. Тогда лучше приказывайте, господин генерал, оно как-то привычнее, а то, ежели ты вежливо просишь зайти к себе в кабинет, у меня предчувствия нехорошие разыгрывают. Со Стасом вместе, говоришь? Ясное дело, куда же я без него. Как ты нас назвал? Хм... спасибо на добром слове. Сейчас будем.

Положив трубку, Лев многозначительно переглянулся со Станиславом.

– Сам, значит, позвонил, Верочку не утруждая. Вот она, треххвостая-то! – зловещим голосом произнес Крячко. – Ох, подбросит нам Петр сейчас что-нибудь такое... будоражащее фантазию!

Основания помянуть приснившуюся ему мерзкую животику у «друга и соратника» были. По устоявшейся традиции, своего рода неписаному закону, начальник ГУ уголовного розыска генерал Петр Николаевич Орлов самолично вежливо просил своих гвардейцев зайти к нему в тех случаях, когда собирался поручить им какую-нибудь особо заковыристую сыскную головоломку. В случаях относительно легких генерал передоверял вызов своей секретарше Верочке, а уж если, не дай господь, заявлялся в кабинет сыщиков собствен-

ной персоной, значит, дело намечалось типа «тушите свет, сливайте воду...».

– Он нас только что попугаями-неразлучниками поименовал, – отреагировал на упадническую реплику друга Гуров. – А отнюдь не воронами, так что не каркай ты, Стас, бога ради! Не ровен час, накаркаешь.

Поздоровавшись с очаровательной Верочкой и получив от нее по обычной дежурной улыбке, сыщики зашли в генеральский кабинет. Кабинет этот был знаком друзьям не хуже своего собственного; Лев и Станислав уселись на привычные, издавна «зарезервированные» за ними удобные полукресла, а Орлов, традиционно пододвинув к Крячко тяжелую, блистающую чистотой хрустальную пепельницу, столь же традиционно стал неторопливо прохаживаться от своего рабочего стола к окошку и обратно.

– Не тяни резину, Петр, – прервал затянувшуюся паузу Гуров. – Все равно мы со Стасом не поверим, что ты нас вызвал только потому, что сильно соскучился.

Трех этих людей связывали не только отношения начальника и подчиненных, но и крепкая, проверенная временем мужская дружба. Лев со Станиславом служили под началом Петра Орлова уже около четверти века, оба хорошо помнили те, совсем, впрочем, недалекие времена, когда Орлов был действующим оперативником. Очень, кстати, цепким, хватким, на редкость удачливым. Его колоссальный опыт в сочетании с ясным, точным аналитическим умом по сей день се-

рьезно помогал сыщикам в решении самых запутанных оперативных задач. Друзья искренне уважали своего шефа, к счастью, случается в нашей жизни и такое.

Орлов платил им той же монетой – он безгранично доверял своим гвардейцам. Статус «генеральских любимчиков» для пары Гуров—Крячко был давно устоявшимся, чуть ли не официальным, во всяком случае, все в аппарате управления об этом статусе знали и оспаривать его не пытались. Правда, проявлялось генеральское особое отношение весьма своеобразно: «любимчикам» доставались самые сложные, особо головомомные, «штучные» дела. Одно хорошо – генерал Орлов, прекрасно понимая, что забивание гвоздей микроскопом есть занятие предельно идиотское, рутинной их не загружал, берег для особых случаев, хотя случаи «неособые» в орбиту деятельности ГУ уголовного розыска попадали редко.

В своей тесной компании, без посторонних, эти трое сыщиков были на «ты», не стесняясь при необходимости говорить друг с другом достаточно резко, прямо, без дипломатических тонкостей и экивоков.

Генерал уже собрался ответить на не впрямую заданный Гуровым вопрос, как вдруг внимание всех троих было привлечено мелодичной щелкающей трелью откуда-то с противоположного конца просторного генеральского кабинета. Гуров и Крячко синхронно, как по команде, повернули головы в ту сторону, стараясь определить источник звука. Орлов досадливо нахмурился.

– Гос-споди, отцы-святители, – потрясенно воскликнул Крячко, указывая рукой на просторную клетку, по жердочке которой весело прыгала желтенькая, похожая на лимон с лапками и клювиком пичужка, – святые угодники! Это что такое у тебя, Петр? Оно мне, случаем, не мерещится?!

– Это птица, – мрачно ответил генерал. – Ну что вы на нее уставились, как восьмиклассница на Филю Киркорова? Канарейку никогда не видели?

– Извиняюсь, но на кой шут тебе этот пошлый символ мещанства? – озадаченно поинтересовался Гуров. – Может, у тебя еще фикус в сейфе спрятан или там горшок с геранью?

– А также коврик с лебедями, в который завернута глиняная кошечка-копилка, – мгновенно подключился Станислав. – Для единства стиля, так сказать...

– Верочка притащила, – еще более мрачно продолжил Орлов. – Услышала в какой-то идиотской радиопередаче, что канареечное пение исключительно хорошо снимает стресс, при этом благотворно влияет на нервную систему. Дескать, в Японии в кабинетах руководства всех крупных фирм непременно клетка с птичкой-канарейкой, чтобы у этого, прости господи, яп-понского начальства нервы не расшатывались на руководящей работе. Дескать, куда лучше аквариума с рыбками, аквариум современные психологи считают уже пройденным этапом! Ну вот, значит, она решила о моем здоровье в очередной раз позаботиться, купила на свои деньги, принесла сегодня утречком и заявила, что если я канарейку

чертову в кабинете не пропишу, то она уволится. Верочка в смысле уволится, а не канарейка. Я ни в какую, а эта дуреха в слезы... И деньги за птицу окаянную брать отказывается, говорит, что это подарок! Эх, грехи наши тяжкие... Чего вы ржете, как дураки на поминках?!

Друзья, переглянувшись, сызнова покатались со смеху. Оба прекрасно знали, что преданность Верочки своему шефу граничила с прямым обожанием, а забота о генеральском здоровье стала почти маниакальной. Верочка давно уже не ограничивалась тем, что изо дня в день подкармливала Орлова булочками, печенюшками, прочими крендельками собственного изготовления. Нет! Она пачками таскала генералу патентованные витамины, пищевые добавки типа «Нестарит», а также разнообразные бальзамы, настои целебных трав... Чтобы не обидеть Верочку, которую Орлов очень любил – своей дочери у него не было, – генерал втихаря таскал все эти полезные для здоровья прибаамбасы в служебный туалет, где благополучно спускал в унитаз. Теперь, значит, дошла очередь до нервной системы... Н-да-а, канарейку в унитаз не спустишь – это как-то слишком!

– И как? – поинтересовался успокоившийся Гуров. – Помогает от нервных перенапряжений?

– Не разобрал еще. А хорошо бы. Я сейчас от замминистра, это не разговор был, а сплошное двухчасовое перенапряжение.

Друзья насторожились, поняв, что шутки, прелюдии, про-

чие увертюры закончились, что вот сейчас начнется натуральная опера, ради которой они и были приглашены в кабинет с канарейкой. Птичка между тем выдала еще несколько вполне благозвучных трелей...

– Преступление, если это преступление, – начал Орлов, – совершено в прошлый вторник, то есть почти неделю назад. Не у нас в столице, а в областном центре – Светлораднецке. Вот, – он протянул друзьям распечатку, – ознакомьтесь с пресс-релизом тамошнего ГУВД, внизу, в конце, последнее сообщение. Самое смешное, что более подробной информации попросту нет. Правда, есть еще акт судмедэкспертизы, а также протокол допроса гражданина Бортникова, обнаружившего труп. Ни то ни другое ясности не прибавляет, протокол, кстати, на одном листе уместился, поскольку местные Шерлоки, создается такое впечатление, понятия не имели, о чем, собственно, свидетеля спрашивать. Я их вполне понимаю: ну вошел человек утром в кабинет к собственному начальнику за ценными руководящими указаниями, а там вместо начальника – его мертвое тело. Держите. Вот протокол, вот акт.

– Петр, но мы-то тут с какого бока? – в полном недоумении спросил Гуров, а Крячко молча поддержал друга, демонстративно пожав плечами.

– С такого, что муж погибшей, генерал-майор Антон Павлович Беззубов, – начальник светлораднецкого городского УВД. А также однокашник нашего замминистра по «Дзер-

жинке» и по сию пору близкий друг. Так вот, он уверен, что его супругу злодейски убили, что действует тут не менее как международная мафия, что без московских варягов-суперов сыска его местные орлы не справятся. Относительно последнего ему, конечно, виднее, поскольку как раз он тамошними пинкертонами командует. Дальше объяснять, в смысле пересказывать наш с замминистра разговор, или все без этого понятно? Это, друзья мои, – продолжил Орлов после непродолжительной паузы, – обратная сторона медали. Ваша громкая слава, видимо, гремит уже по всей России-матушке. Словом, Антон Павлович Беззубов очень настоятельно просил прислать на помощь именно вас, господа офицеры.

– М-да-а, – невесело протянул Лев, – с замминистра спорить, понятно, не с руки, но... Может, она сама как-нибудь траванулась, Алина Васильевна эта?

– Я вообще ничего не понимаю, – вступил в разговор Крячко. – Откуда в кабинете окись углерода, угарный газ, если по-простому? Она что там, поутру для сугрева печку-буржуйку топила?

– Вот-вот. Я у замминистра приблизительно то же самое спросил, – кивнул Орлов. – Не топила. И сверхсекретные документы в пепельнице на собственном столе не жгла, а то могла бы надыхаться. Это я так шучу невесело. Не было там открытого огня, в помещении этом.

Канарейка в клетке выдала длинную переливчатую руладу, Орлов досадливо поморщился. Гуров спросил:

– А эксперты уверены, что это угарный газ? Может, ее чем другим, похожим?..

– Ты не забывай, чья она была жена. Там всех на уши поставили, проверили, а затем перепроверили трижды, по высшему разряду. Еще учти – это не поселок городского типа Быдловань, это, милый мой, областной центр, город с почти миллионным населением, что ж, у них токсикологов толковых нет? Проверили все «похожее», типа цианидов, хлорорганики, алкалоидов арбинового ряда, прочих всяких прелестей, но ничего в организме покойной такого не нашли. А картина отравления однозначная, как меня замминистра уверил. Да я тоже не все позабыл еще, сам вижу. Прочти еще разок акт заключения, только повнимательней.

Гуров прочитал и вынужден был согласиться. Он хорошо помнил раздел курса общей криминалистики, посвященный характеристикам различных ОВ, а также тому, что они делают с людьми. Клиническая картина вырисовывалась классического типа, прямо хоть в учебник по токсикологии. Патанатомия тоже. Гистологические данные. Словом, все свидетельствовало – определенно окись углерода.

Смерть в результате остановки дыхания и падения сердечной деятельности, осложненной тяжелой тканевой гипоксией. Много характерных признаков именно угарного газа: резкий цианоз слизистых оболочек, кожи лица, кровь – вот это очень важно! – характерного карминно-красного цвета, но гемолиза-то нет, эритроциты целехоньки. Еще один по-

казательный для окиси углерода признак: выраженные обширные кожно-трофические расстройства – пузыри, местные некротические отеки. Ни в желудке, ни в кишечнике ничего, хотя бы отдаленно напоминающего дающий сходную картинку яд, не обнаружено. При вскрытии выявили субарахноидальные кровоизлияния, отек мозга, то есть сразу же у нее началось тяжелое расстройство мозгового кровообращения. Значит, довольно быстро, хотя не мгновенно, потеряла сознание и... Именно так все бывает при концентрациях окиси углерода в воздухе, превышающих восемь сотых процента.

– Но это же форменный бред, – раздраженно заметил Крячко после того, как в свою очередь еще раз внимательно прочел акт и коротенький протокол допроса свидетеля. – Это по-любому не деревенский пьянчужка дед Пахомыч, который раньше времени выюшку у печурки закрыл. Как вообще можно отравить человека газом, тем более если человек этот не в постели дрыхнет без задних ног, а пребывает в собственном рабочем кабинете? Алкоголя в крови не обнаружено, наркотиков – ни малейших следов, да просто дико представить, чтобы завлабораторией, добравшись утром до собственного рабочего кабинета, первым делом насосалась до отключки! Значит, что? Значит, в момент отравления она была в сознании.

– Вот-вот, – продолжил рассуждения друга Гуров. – А дальше реконструируется чистой воды сюрреализм с па-

раноидальным уклоном: некая персона в противогазе – иначе сама персона траванулась бы – заходит в кабинет Беззубовой с баллончиком сжатого угарного газа и зафигачивает струю отравы ей в физиономию. Она же на такое мелкое хулиганство никакого внимания не обращает, на помощь не зовет, хоть в соседней комнате через стенку, как следует из протокола, не меньше пяти сотрудниц ее грешной лаборатории утренний чаек гоняют. Потом учтите – это ж все-таки не хлорциан или циклон-Б, даже в самой настоящей газовой камере окись углерода сразу с ног не свалит, хоть бы в сверхвысоких концентрациях, это я точно знаю! Надо минимум с полминуты ею интенсивно подышать. Так что же получается? Жертва, нежно глядя на убийцу в противогазе, с наслаждением вдыхает отраву? Замечу, кстати, что никогда не слышал, чтобы окись углерода сжимали и закачивали в баллоны.

– Неудивительно, – проворчал Крячко. – Впредь тоже не услышишь. Поскольку такая бредятина никому даже с перепоя в голову не придет.

Аккомпанементом недовольному ворчанию Стаса послужила очередная мелодичная трель. Генерал свирепо поглядел на клетку, затем повернулся к сыщикам:

– Но труп-то в наличии, значит, кто-то ее убил! Или что-то. Что вы, господа офицеры, смотрите на меня глубокомысленно, как два козла на вход в кинотеатр, думаете, я все эти ваши доводы с рассуждениями сам не прокачивал? Еще как!

С тем же, замечу, результатом. Станислав, ты бы закурил, что ли! Гурову тоже дай, если он опять без сигарет, а я за компанию пассивно отравлюсь, это, чай, не окись углерода...

Такое несколько неожиданное распоряжение начальства объяснялось просто: уже лет пять как медики категорически запретили Орлову, курильщику с тридцатилетним стажем, даже думать о табаке. Генерал, чуть не отплеываясь от омерзения, посасывал некие заменяющие табак леденцы и только ностальгически вдыхал поглубже, когда курили рядом с ним.

Лев курил редко. От случая к случаю – особенно если случаи эти были непонятными, неприятными и запутанными, как сейчас. Забавно, что Гуров постоянно забывал о необходимости держать в кармане дежурную пачку, поэтому приходилось ему в экстренных случаях стрелять сигаретку у безотказного Стаса, что провоцировало «друга и соратника» на ехидные реплики. Но раз уж начальство приказало!.. Друзья закурили, сигаретный дым заструился по кабинету к чуть приоткрытой форточке. Некоторое время все молчали, лишь Верочкин подарок со своей жердочки нарушал тишину роскошными руладами.

«А ведь нервничает Петр, – подумал Гуров, прекрасно узнавший за четверть века совместной службы все особенности генеральского поведения. – Не просто так ему дымка нюхнуть захотелось, ишь как ноздрями шевелит. Нет, он нам не все еще сказал, тут помимо загадочного трупа есть еще

какая-то бяка!»

И как в воду глядел. Орлов снова прогулялся до окна, затем обратно, задумчиво посмотрел на потерявшую свою девственную чистоту пепельницу с двумя дотлевающими окурками, а потом сказал странным, чуть ли не извиняющимся тоном:

– Ладно бы только эта поганенькая загадка с угарным газом, я, пожалуй, даже от замминистра отгавкался бы. Загадок с душком в России – как на барбоске блох, а вы у меня одни, на всех не напасешься. Но я же говорил, что нерво-трепка два часа продолжалась? Так вот, весь второй час речь шла не о прискорбной кончине супруги генерала Беззубова, а совсем о других вещах, которые, однако, тесно связаны с тем же Светлораднецком. Мало того – с той же клятой экспертной лабораторией, которую покойная Алина Васильевна возглавляла. Вот послушайте, а потом попытаемся разобраться вместе, потому как честно скажу: я не слишком в этих сферах компетентен.

Слушали генерала в сопровождении заливчатского канареечного посвиста.

По ходу рассказа крепко призадумались. Было над чем. Уж слишком не об их огороде шла речь.

Светлораднецкая область – одна из самых южных в России, она непосредственно граничит с Северокавказским регионом. Через нее, как, впрочем, через Ставрополье, через Ростов-на-Дону, в Центральную Россию перекачивается

масса всяческой гадости – от левого бензина и дизтоплива до самого разнообразного оружия. В обратном направлении движутся весьма мощные потоки наличных денег.

Целая речка предельно поганого, но очень дешевого самопального этилового спирта тоже не протекает мимо Светлораднецка в своем пути на север – к Москве и далее. Можно ли перегородить это течение надежной плотиной – вопрос дискуссионный, во всяком случае, пока такой геркулесов подвиг нашим славным правоохранительным органам не удавался – то ли сил не хватало, то ли желания... Нет, разовые акции время от времени проводятся, даже успешно, победные реляции гремят, кого-то, глядишь, даже награждают, а средне-мелкую криминальную рыбешку, завязанную на спиртовую мафию, напротив, посадят... Однако все опытные, неглупые люди – присутствующие к ним в полной мере относились, да и замминистра, который начал заваривать всю кашу, дураком отнюдь не был! – понимают, что усилиями только МВД России этот краник накрепко не закрутишь, нет! Слишком велик навар.

По крайней мере, решение этой проблемы очень далеко от обычных забот ГУ уголовного розыска, там своих заморочек выше крыши.

Но вот недавно коллеги орловских скорохватов, умные головы из ГУБЭП при министерстве, обратили внимание на странную закономерность: все большая часть протекающего через Светлораднецк спирта стала протекать не привыч-

ным «левым», контрабандным, криминальным манером, а вполне легально, с накладными и сертификатами. Причем цистернами. Правда, не как спирт, хотя бы и технический, а, скажем, как «растворитель лаков и красок» или «жидкость для протирки оптических систем», а то даже «бальзам универсальный, антисептический». Обычно имеется благозвучное название подобных сигнатур, в первом случае, к примеру, «Лакосдер-Ультра». Или что-то столь же интеллектуальное, фантазию будоражащее.

Схема тут проста, как мычание: к самопальному этанолу добавляют в мизерных количествах что-то заведомо безвредное, дешевое, впоследствии легко отделяющееся – типа глицерина. Полученную жидкость именуют, скажем, «Цунамочка-2М» и рекомендуют использовать для, допустим, чистки унитазов. Затем продают московскому ООО «Аферист» несколько цистерн по символической цене, перегоняют в Москву, а на следующий день после получения груза ООО вместе со всем руководством растворяется в российском воздухе, как кусок рафинада в горячем чае. Спирт расходится по подпольным и полуподпольным цехам, где превращается в «паленку» или просто, без мудрствований, реализуется в розницу через сеть «шинков». Иногда с предварительной очисткой от маскирующей добавки, а чаще – без. Черный нал идет поставщикам отравы, жулики из лопнувшей фирмы-посредника получают процент или срок на нарах, если попадают, но попадают они редко. А россий-

ские алкаши получают дешевое пойло. Все довольны. Заметим, что производители спирта, поставщики, те, кто имеет с этого «бизнеса» самый большой доход, не попадаются никогда! Потому что не на чем их ловить.

Но подобная лафа требует серьезной подстраховки, прежде всего – сертификации бесчисленных «Королевочек-5», «чистодраев-супер» и прочих «жидкостей для...». Совсем уж неизвестно, что в цистерну не зальешь, по железной дороге не провезешь, попросту официально не продашь. Даже ООО «Аферист» не купит. И вот тут-то...

– Вот тут-то на сцене появляется АОЗТ «Светлорадсертинг», – Орлов уже подустал читать своим внимательным слушателям эту импровизированную лекцию о вопросах, в которых сам разбирался не блестяще. Это не вооруженного бандита брать живьем, не в засаде сидеть, словом, не насквозь родной оперативкой заниматься, это игра на чужом поле. Тем более для него, человека, как ни говори, старого закала и опыта, из тех времен, когда все эти ООО, АОЗТ, сертификации, прочие «цунамочки-королевочки» безоговорочно проходили по ведомству белой горячки. Да еще канарейка проклятушая разоралась, как деревенский петух перед рассветом, слова не дает сказать, зар-раза. Но генерал не сдавался и продолжал: – Эти ушлые ребята организовали свою шарагу лет пять назад. Как им это удалось – вопрос особый, есть данные, ну да, от замминистра, что у кого-то из них громадная волосатая лапа в областной администрации,

возможно, и в Москве. Сертифицируют они все. Лев, не делай такой изумленный вид, в данном случае «все» означает попросту все! От детской присыпки из молотого талька до тормозной жидкости или, там, попкорна. Пищевку, бытовую химию, удобрения, нефтепродукты... Вам понятно, надеюсь, что если от такой кормушки начать оттаскивать хоть бы престарелую облезшую болонку, то она почище саблезубого тигра изувечить может? А там, похоже, ох не болонки... Причем все химанализы по соглашению с руководством НИИ химии проводит экспертная лаборатория института, которую возглавляла погибшая Беззубова.

– Во-он оно что, – протянул Гуров. – Сразу возникает естественное подозрение, что безвременная кончина заведующей...

– Вот именно, – кивнул Орлов, – особенно в свете конфиденциальной информации, которая в пресс-релиз не попала. К ней я сейчас перехожу, только заткните, во имя всего святого, это горластое чудовище, пока я ей башку не свернул! Вот ведь стервь! Как я громче говорить начинаю, так она сразу звук усиливает!

– Петр, – хмыкнул Гуров, – ну не предусмотрен у птички выключатель или там регулятор громкости, это же не плеер, как ни крути.

– Постой-постой! – оживился Станислав. – Где-то я не то читал, не то слышал, что если на клетку черную шаль накинуть, то она, птичка, значит, решит, что ночь настала. Уснет

и заткнется. В смысле – заткнется и уснет!

– Где я вам черную шаль возьму, рожу, что ли?! – свирепо гаркнул вконец выведенный из себя Орлов. – Я все же генерал милиции, а не таборная цыганка-гадалка! Мой парадный китель эту певунью устроит? У меня тут в шкафу выходной мундир висит, на всякий случай, вдруг к Президенту вызовут...

– Много ей чести, конечно, – с трудом сдерживая смех, отозвался Гуров, – но давай попробуем, хуже не будет. А то впрямь соловьиная роща получается, а не оперативное совещание.

Из небольшого шифоньерчика, стоявшего в углу кабинета, сопящий от возмущения Орлов извлек требуемую деталь редко надеваемого парадного мундира. Совместными усилиями клетку задрапировали, для чего китель пришлось застегнуть на все пуговицы. Крячко по живости натуры не удержался от мелкой пакости: на самую верхушку укутанной кителем клетки он водрузил орловскую фуражку из того же парадного комплекта. Посмотрев на дело рук своих, Лев со Станиславом чуть не попадали на пол от хохота, а вскоре к ним присоединился сам генерал – разве тут удержишься... Но ведь сработало! Через пару минут в кабинете воцарилась блаженная тишина.

– Так вот, – пыхтя и отдуваясь после сеанса психологической разгрузки по-японски, вернулся к теме разговора генерал Орлов, – относительно конфиденциальной информа-

ции...

Оказывается, в Москве удалось перепроверить светлораде-нецких сертифицированных по некоторым позициям. Тут-то вы-яснилось, что все данные химанализов, содержащиеся в их документах, не лезут ни в какие ворота. Нет, не просто с по-толка взяты, а явно сознательно сфальсифицированы – есте-ственно, в сторону улучшения качества «продукта». Самое же интересное заключалось в том, что целый ряд парамет-ров, например, содержание сивушных масел, метанола, аль-дегидов, вообще по определению не мог иметь отношения к злосчастному «чистоблеску» или как там его? «Королевоч-ке»? Не все ли потребителю едино, сколько сивухи в сред-стве для чистки унитазов? Или метанола? Унитаз, знаете ли, не ослепнет. А вот к низкопробному пойлу имел этот ряд отношение самое непосредственное, ибо подпольным произ-водителям «паленки» совсем нет резона, чтобы потребители их продукции мерли, как мухи. Не из гуманности, понятно, – просто ежели перетравишь всю клиентуру, кому тогда пойло продавать? Кроме того, нарваться можно всерьез: торговля «левой» выпивкой одно дело, а массовое отравление россий-ских граждан – совсем другое!

К тому же московские эксперты категорически утвержда-ли, что этиловый спирт в «цунамочках» пошел откуда-то из другого места производства, не такой он, как был раньше, скажем, год назад. Это ведь как с хлебом: не надо быть экс-пертом, чтобы просто по вкусу определить, испечена куплен-

ная вами в привычном магазине буханка в той же пекарне, что обычно, или где-нибудь еще. В нашем случае чуть сложнее, но принцип тот же. Все это наводило на интересные мысли и давало любопытные зацепки на будущее, а главное – завязывалось на экспертную лабораторию светлораднецкого НИИ химии.

– Теперь вот еще что, – продолжил Орлов, – у меня создалось впечатление, что там, в Светлораднице, замминистров однокашник Антон Павлович Беззубов не до конца доверяет кому-то в своем ближнем окружении. Впрямую об этом ни слова сказано не было, но по отдельным намекам, умолчаниям, словом, по нюансам разговора я догадался, что Беззубов эту информацию до своего приятеля, замминистра нашего, довел. А тот, соответственно, до меня хоть не открытым текстом, но совершенно сознательно, понимая, что я понимаю, что он понимает... ну, далее до бесконечности. Вот так! Возможно, как раз в этом главная причина беззубовской просьбы относительно вас. Иначе, замечу, просьба эта выглядит странновато, прежде всего как прямое нарушение неписаной профессиональной этики. Но вот в контексте моих зыбких предположений она становится очень даже понятной, мало того, вполне оправданной. Согласны? Вижу, что согласны. Суммирую: ехать на гастроли вам придется, разгребать эту непонятную кучу неизвестно чего – тоже. Это не дискутируется. Давайте думать, как нам все организовать получше.

– Относительно «неизвестно чего» ты, Петр, заблужда-

ешься, – с мрачноватой иронией заметил Гуров. – Распрекрасно известно. Того самого, что мы всю дорогу разгребаем. Давайте думать. Ты бы попросил Веруню, чтобы кофе принесла, люблю я твой кофе. Подожди, лучше по-другому. Пусть просто сварит на нас троих, а в приемную за чашками я сам выскочу, скажу, что совещание повышенной секретности. А то как увидит, бедняжка, свой психологический подарочек в мундире шефа... Как бы умом не тронулась! Станислав, достань-ка сигареты. Закурим, мне это в трудных случаях сосредоточиться помогает.

Передав по селектору Верочке просьбу относительно кофе и строго-настрого приказав ей самой в кабинете не появляться, Орлов обратился к своим гвардейцам несколько непривычным, с почти робкими нотками голосом:

– Покурить, оно, конечно... Сам жду не дождусь, когда вы опять начнете дымить. А только вот она, – генерал с опаской ткнул рукой в сторону собственного кителя, укрывавшего клетку, – с непривычки от дыма табачного не... того? Не околеет? Жалко как-то! Думаешь, пусть привыкает, Станислав? Ну, ты себя специалистом по канарейкам показал, молчит ведь не хуже, чем под шалью, так что валяйте, закуривайте.

Глава 2

Совместное с Крячко и Орловым обсуждение ситуации, детальная прикидка дальнейших планов затянулись, так что возвращался домой Гуров уже поздним вечером. Правда, на центральных улицах столицы, сверкающих многоцветной рекламой, залитых ярко-оранжевым светом мощных натриевых ламп, позднее время суток совершенно не ощущалось, казалось, что ночь навсегда ушла из Москвы. Это раздражало Льва. Так иногда хотелось увидеть над головой спокойное звездное небо с королем зимней ночи – Орионом, серп молодого месяца, а не назойливую мешанину кричащих красок...

Гуров неторопливо шагал по Никитскому бульвару, он любил, когда позволяло время, ходить пешком, был уверен, что именно так, на ходу, ему лучше думается. Вот и сейчас, рассеянно смахивая с разгоряченного лица редкие крупные снежинки, Лев анализировал результаты, к которым они пришли за эти несколько часов. Самое важное в начале сыска, когда нет еще фактов, версий, улик, подозреваемых, когда ничего еще толком нет, – верно наметить направление расследования, определиться с той самой тактикой оперативной работы, курс которой он читал слушателям «Дзержинки».

Конечно, это был не первый выезд их с Крячко пары на «иногородние гастроли», некоторые моменты давно были

отработаны. Им стоило разделиться. Решили, что Станислав отправится в Светлораднецк первым, чем скорее, тем лучше – следы и так были подостывшими, – под прикрытием более-менее правдоподобной легенды.

– Так будет удобнее работать, – убеждал Лев и не особо возражающего Орлова. – Стасу внедряться не впервой, он это прекрасно умеет. Ты не хуже меня знаешь, Петр: практика показывает, что официальные допросы и опросы свидетелей – это одно, а неофициальный треп с близким окружением – совсем другое. Это гораздо эффективнее, люди не замыкаются, не боятся «попасть в шестеренки». Порассуждать да собственным мнением поделиться все любят, а тут такой повод роскошный – начальница долго жить приказала при таинственных обстоятельствах. Свежему человеку выложат массу домыслов, версий, сплетен, словом, кучу информации. При условии, что не будут знать о его принадлежности к милиции, вообще к властям. А уж наша задача потом отделить в полученной куче зерна от плевел. Надо с этого начать, а я подтянусь через сутки-двое на уже готовый плацдарм.

– Верно, – поддержал друга Крячко. – Свежий человек, надо понимать, это я. Согласен, только под какой маской мне в эту грешную лабораторию лезть? Кто я такой?

– Это уж моя забота, – задумчиво произнес Орлов. – Сегодня же свяжусь по закрытому каналу со Светлораднецком, выйду на самого Беззубова, пусть думает, как Станислава залегендировать, он обстановку в НИИ химии обязан знать

неплохо. Завтра к обеду что-нибудь состряпаем, в конце концов, не в тыл врага Крячко засылать собираемся, собственной контрразведки в НИИ химии я как-то не предполагаю. Хотя...

Крячко неодобрительно хмыкнул и сказал:

– Не очень мне нравится, что этот безутешный вдовец будет в курсе наших дел с самого начала в свете того, что нам тут Петр изложил.

– Я тоже не в восторге, – кивнул Гуров, – но без него нам не справиться, невозможно влезать на совсем чужое поле вовсе без поддержки. С другой стороны, не война, немцы под Москвой не стоят, абвера с гестапо, как Петр справедливо заметил, не предвидится. Нельзя жить, каждого человека опасаясь, понадеемся, что Беззубов не дурак и не трепач.

– Ты тоже собираешься легендироваться? – поинтересовался повернувшийся к Гурову генерал. – Кстати, зачем тебе эти сутки-двое в Москве?

– Э-э нет! Не собираюсь. Я поеду именно как я. Опер-важ-няк, полковник ГУ угрозыска и прочее, и прочее. С возможно более широкими полномочиями, которые ты, Петр, обеспечишь с шумом погромче, с воинственными криками «бан-зай», с помпой. Весь в орденах и лентах. Авось кто сдуру да перепугается меня, грозного такого. Торопиться с перепугу начнет, нервничать... Люди торопятся, потому ошибаются, это наблюдение преступников тоже касается, так ведь? К тому же нам потребуется нормальная крыша над головой, коле-

са, прочая техника, четкая двусторонняя связь со столицей в любое время суток, возможно, будет нужна оперативная поддержка. Поэтому всю запускать официальную машину, Петр. А что в Москве делать буду... Есть у меня две мыслишки. Во-первых, пройти кратенький ликбез у наших экспертов, ну, или у кого они присоветуют, относительно механики пресловутой сертификации, гостирования, прочих хитромудростей, с подобного рода деятельностью связанных. Поймите, без этого не обойтись, иначе будем не полезнее слепых щенков, любой за нос водить нас сможет, а мы не заметим даже. Мы же, все трое, в этих материях разбираемся, увы, как кроты в балете. Придется хотя бы одному восполнить недостаток образования, к тому же в пожарном темпе. Бедная моя сыщицкая головушка, конечно, но нам не привыкать, за день в азах разберусь.

– Это ты хорошо придумал, верное решение, – кивнул Орлов. – А во-вторых?

– Хочу встретиться с Семеном Семеновичем. Да-да, с самим Липкиным. Поговорить. Порасспрашивать его относительно угарного газа и всего, что с ним связано. Если уж он никакой светлой идеи не подбросит, тогда не знаю... Тогда никто. Ты, Петр, позвони сегодня домой старику, ладно? Я для него ноль, мальчишка, а характер у Липкина сам знаешь... сложный.

– Да уж знаю, – пробурчал Орлов, совсем, впрочем, не сердито, а как бы даже с затаенной гордостью за характер

Семена Семеновича. – Посмотрим, какой у тебя будет, когда ты, как я искренне надеюсь, доживешь до девяноста. Хотя он у Липкина всегда был не сахар. Но это ты еще лучше придумал, молодец! Позвоню, конечно, позвоню, подольщусь и мелким бесом рассыплюсь, как мне самому-то в голову не пришло? Нет, вы только представьте, когда я совсем зеленым юнцом в органы попал, ему уже за сорок перевалило, бож-же мой, ведь словно вчера... Думаю, что согласится Семен Семенович помочь, проконсультирует тебя, он ко мне всегда хорошо относился. Ладно, друзья мои, на сегодня наши посиделки окончены, давайте по домам и думайте, думайте, думайте! Знаю, что пока не о чем особо, материала нету, но вы все же шевелите извилинами, вдруг чего нашевелите? А я прямо сейчас на Светлораднецк выходить начну, пора мне познакомиться непосредственно с генералом Беззубовым, как-никак в одних чинах. Э-э! Пойдите! – остановил Орлов распрощавшихся с ним сыщиков уже почти у двери кабинета. – Помогите китель с клетки снять, мне одному, ГМ-м... не справиться.

– Да-а? Не справиться, значит? – ехидно переспросил Крячко, подходя к канарейкиному узилищу, а затем добавил обвиняющим тоном: – Врешь ты все, господин генерал! Ты ее боишься!

– Ну, боюсь, – легко согласился Орлов. – Никогда я с такими птахами дела не имел, господь знает, что там у нее на уме. То надрывалась, как ледокол в тумане, а теперь чего-то мол-

чит. Может, она там уже померла от страха в темноте, или меня сейчас до смерти перепугается, или... еще чего. Оправдывайся потом перед Верочкой! А ты, Станислав, вроде как в канарейках большой дока... Давайте вы сами, а? Я лучше в сторонке постою.

– Вот сейчас, – продолжал издеваться безжалостный Стас, расстегивая китель, – перегрызет этот кондор у клетки прутья...

– Вцепится в господина генерала когтищами, – подхватил Гуров, вручая Орлову его парадную фуражку, – и утащит. Вон, кстати, форточка открыта!

Желтенький «кондор» не собирался грызть прутья. Птичка задорно посмотрела на трех сыщиков блестящими черными бусинками глаз, забавно склоняя головку то в одну, то в другую сторону, после чего разразилась таким могучим тремоло пополам с форшлагами, что сразу стало ясно: помирать со страху она не собирается.

Вспомнив эту милую сценку, Лев хмыкнул и подумал, что, по большому счету, Верочкина идея себя оправдала: сложный был разговор, работа предстоит очень непростая, муторная, а посмотрели они на милую птаху, улыбнулись – ей-богу, куда легче стало на душе! Гуров не заметил – так всегда бывало, когда на ходу он интенсивно размышлял, – что уже дошел до углового супермаркета, еще один поворот, затем под арку, вот он и дома. «Слава небесам, спектакля у Маши сегодня нет, значит, поужинаем вкусно, поговорим».

Она, конечно, не обрадуется тому, что Лев опять уезжает бог весть насколько, причем отнюдь не в санаторий. Вздохнет, даже поворчит для вида, сетуя на суровую долю жены грозы бандитов, но затем улыбнется ласково. Да, она привыкла, хоть трудно привыкнуть к тому, что близкий человек чуть ли не постоянно рискует, порой – жизнью. Но Мария Строева знала, за кого выходила замуж.

Что поделаешь, подумал Гуров, такова специфика его семейной жизни, и ему очень повезло – Маша все понимает правильно.

Ближе к ночи слабенький снегопад стал гуще, весомее, и привычно поднявший взгляд к своим тепло светящимся в ночи окошкам Лев который раз восхищенно удивился ажурности белого кружева, накрывшего январскую Москву.

* * *

Утром следующего дня Гуров, позвонив генералу и узнав, что Семен Семенович, вняв генеральской просьбе, милостиво соизволил уделить Льву час времени, оседлал свой верный серенький «Пежо» и, не заезжая в управление, поручил через всю Москву к метро «Щелковская». Погода поутру стояла изумительная – полное безветрие, чистое зимнее небо нежно-бирюзового цвета, блестки инея в пронизанном лучами восходящего солнца морозном воздухе. Лев от души пожалел, что нельзя пешочком дотопать потихоньку до 16-

й Парковой, уж больно велика столица – аккурат к вечеру доберешься.

Автоматически, но внимательно отслеживая дорожную ситуацию – в столице за последнее время развелось до черта лихачей, которые словно задались целью угробиться в автокатастрофе самим и прихватить с собой на тот свет побольше народу, – Гуров думал о человеке, к которому он ехал, на которого очень надеялся.

Семен Семенович Липкин был личностью воистину легендарной, где-то даже фантастической, нереальной в России прошедшего XX века, как был бы нереален в ней, например, Змей Горыныч.

На пенсию – самую обычную, не персональную, несмотря на два отечественных и один британский орден плюс кучу благодарностей от самого высокого начальства – он ушел десять лет назад в невеликом майорском чине, в возрасте восьмидесяти лет. Будучи страстно, беззаветно влюбленным в свое дело, он оставался бы «на посту» до самой смерти, но здоровье уже не позволяло работать в полную силу, кроме того, отношения с руководством, как всегда у этого человека, были отнюдь не безоблачными.

Немудрено. Начав работу еще в НКВД, когда ему даже не исполнилось двадцати, скромный еврейский паренек Сема, став любимым учеником знаменитых, с дореволюционным еще стажем криминалистов – Потапова и Якимова, за какие-то пять лет сделался абсолютно незаменим, опровер-

гая тем самым известную максиму «отца народов» о том, что незаменимых у нас не существует. Как Моцарт в музыке, как Гете или Пушкин в поэзии, Семен Липкин оказался подлинным гением в своем деле – искусстве криминалистической экспертизы. Скрипя зубами и отплеываясь, ему прощали все: демонстративное подчеркивание своего иудейства, включающее открытые еженедельные посещения синагоги, категорический отказ работать по субботам и распевание псалмов Давида прямо в лаборатории, очень вольные высказывания о советской власти вообще и ее отцах-основателях в частности, а также многое, многое другое.

Сталкиваясь с умами не столь быстрыми, отточенными, не такими изошренными, как его собственный, Липкин впадал в зоологическое неистовство, нес по кочкам, не жалея непечатных эпитетов, любое начальство, невзирая на ранги, должности и звания. За шестьдесят с лишним лет работы в органах Семен Семенович пережил массу грозных временщиков, начиная с Генриха Ягоды и кончая Щелоковым. Что наркомы с министрами? Они приходят и уходят, один другого стоит, тем, кто реально борется с преступным миром, таким людям, как Орлов, Гуров, Крячко и им подобные, все равно – кто там сидит на самом-самом верху, лишь бы работать не мешали. Но вот второго Липкина на свет еще не родилось.

Внешность его всегда была настоящим подарком для антисемита: низенький, оплывший нездоровой, пухлой полно-

той, с крючковатым носом, в молодости очень темными, почти черными, а сейчас голубовато-седыми длинными волосами. Громадный лоб и нижняя челюсть скошены назад, на подбородке крупная бородавка, из которой торчат три длинные, курчавые волосины. Большие выпуклые карие глаза с характерным масляным блеском. И выговор соответствующий, все прямо как в пошлейшем еврейском анекдоте.

Однако даже в разгар борьбы с «безродными космополитами» его не трогали. Ходили слухи, что еще в сорок третьем был отдан с самого – такого, что и произносить-то, и подумать страшно – верха относительно этого негласный приказ. Тогда, в разгар войны, тридцатилетний старший лейтенант МГБ Семен Липкин спас английских союзников от тяжелейшей экономической катастрофы. Именно он, единственный из более чем сотни экспертов стран коалиции, придумал, как надежно отличать фальшивые фунты, которые нацисты, отпечатав в жутком количестве, запускали в обращение, от настоящих, чем предотвратил крах финансовой системы и денежного обращения в Великобритании, попутно заработав «Бриллиантовый крест», высший военный орден империи. Это была только одна, причем не самая выдающаяся из впечатляющего ряда побед гениального криминалиста.

Так как-то незаметно, с легкой руки «великого и ужасного», отдавшего знаменитый негласный приказ, в НКВД-МГБ-МВД появилась устойчивая, на уровне подсознания хозяев высоких кабинетов, традиция: этого окаянного еврея

не трогать, пусть чудит, пусть бесится как угодно, лишь бы работал! Вот он и чудил вплоть до того, что еще до «щелоковской катастрофы» публично обозвал всесильного Чурбанова тупым засранцем, а весь тираж исторической трилогии «дорогого Леонида Ильича» требовал за государственный счет развезить по деревенским сортирам – на предмет хоть какой-то от гениального произведения пользы. Как раз в то самое время ему, тогда еще бодрому семидесятилетнему старику-крепышу, за изменение всего-то двух цифр в экспертном заключении предлагали миллион рублей. Кто помнит восьмидесятые, тот оценит громадность суммы. Семен Семенович отказался, и группа валютчиков пошла под расстрел.

Подсознательная, въевшаяся в кровь привычка фиксировать пусть мелкие, но несообразности не подвела задумавшегося Гурова. Несообразность же наличествовала в виде настырно маячащей в зеркальце заднего вида серой, чем-то похожей на востроносенькую мышку «Ауди».

«Странно, – подумал Лев, – уже больше десяти минут они за мной как приклеенные... Столько поворотов, светофоров, дважды я из ряда в ряд перестраивался, наконец эстакада перед Савеловским, а эта „аудишка“ все держится на двести три машины сзади. Случайность? Гм-гм! Неужели „хвост“ нарисовался? Да-а, после вчерашнего разговора это совсем интересно становится! А ну-ка проверим!»

На кольце Таганской площади он неожиданно свернул

в тоннель, а затем, описав восьмерку со станцией «Таганская-радиальная» в центре, вернулся к месту поворота.

Лев полуудовлетворенно-полуудивленно хмыкнул: «Ауди» по-прежнему красовалась в зеркальце. Теперь ни о какой случайности не могло быть речи – стопроцентный «хвост», знать бы еще, кто его прицепил!

«Ладно, – решил Гуров, набирая на мобильнике номер оперативного дежурного по управлению, – я вас, голубчики, потаскаю за собой, раз уж вы такие неотвязные, а на 16-й Парковой, если до той поры не отвалитесь, вам самим на хвостик присядут. Даст господь, так раньше, за Измайловом, если ребята из СВН почешутся, я предупредил, что там на перекрестке на Электрозаводскую поверну, вот и подхватят на повороте... Кто же вы такие, а? Нет, сами-то вы меня не интересуете ничуть, почти наверняка из какого-нибудь частного охранного или детективного агентства, благо дерьма этого развелось в Первопрестольной, как на помойке кошек. А вот кто вас нанял? Неужели из Светлораднецка щупальца потянулись? Так быстро? Если впрямь оттуда, то мы со Стасиком лезем аккуратно к пчелам в улей, впрочем, я эту печальную истину и без того печенкой чую! Ох уж пресловутая печенка – самый необходимый в нашей профессии орган!»

Гуров твердо придерживался нехитрого, но полезного правила: разного рода заморочки расхлебывать в порядке поступления, не суетиться. «Пусть-ка сначала ребята из службы внешнего наблюдения выяснят, кому принадлежит

приставучая „аудиюшка“, а там посмотрим. Лишь бы она не отцепилась до конечного пункта, уж там ее профессионалы СВН жестко в оборот возьмут, проводят до „порта приписки“, тогда уж начнем разбор полетов. А пока главное – встреча с Липкиным». Тут его мысли вновь вернулись к Семену Семеновичу.

Не только своим редкостным криминалистическим талантом – от бога данным чутьем был ценен старый эксперт. Чуть ли не больше, по крайней мере для Льва сейчас, значило то, что Липкин был одним из почти вымершей породы универсалов. Узкая специализация – в чем-то великое благо, но, по законам никем не отмененной диалектики, тем самым и большое зло. Тут уместно сравнение с медициной, в ней пресловутая специализация зашла так далеко, что врач, способный блестяще вылечить, скажем, левую почку, перед болезнью правой почки уже пасует – на правую свой профессионал имеется, который, увы, в левой – ни уха ни рыла. Если это преувеличение, то небольшое. Днем с фонарем не найдешь в наше время того доктора из легенды, который лечил не болезнь, а больного, того врача, который даже без компьютерной томографии, дополненной УЗИ с прочими наворотами, а вот лишь по пульсу, выстукивая да выслушивая, поставил бы точный диагноз и назначил лечение. А ведь были такие, были!

Так же криминалистика – растеклась на десятки направлений от трассологии до парамагнитного резонансного ана-

лиза микрочастиц, вооружилась сверхточными, сверхсложными, сверхдорогими приборами, что, конечно, современно, нужно, эффективно и куда как полезно, но... Но что-то важное потеряла.

Не верит современный эксперт своей интуиции, только приборам, а главное – нет у него этой самой интуиции при всей образованности и практической хватке в своей области, нет широты эрудиции, возможности отстраниться, посмотреть на проблему со стороны, под необычным углом. Ну не поймет баллистик или, скажем, дактилоскопист того же токсиколога, хоть тресни! И что прикажете делать практикам, оперативникам вот в таких очаровательных случаях, как этот, в Светлораднецке, к каким специалистам обращаться, как, кому грамотно поставить вопрос?

Задумавшись, Лев чуть не пропустил нужный поворот на 10-ю Парковую: подъезжать прямо к дому Семена Семеновича он не хотел, лучше пройти пару кварталов ножками. Сразу станет ясно, продолжат ли топтать его след пешим порядком, а если да, то решить, стоит ли познакомиться с топтунами или аккуратно уйти от «хвоста», благо этот район Москвы Гуров знал прекрасно. Он аккуратно затормозил у ресторанчика с элегическим названием «Млечный Путь», видимо, специально для трезвенников. Затем вышел из машины и свернул в хорошо знакомый проходной двор, не особенно, впрочем, торопясь. Краем глаза Лев успел заметить в зеркальном окне ресторанчика отражение мышастого цве-

та «аудиюшки», та припарковалась метрах в двадцати от его «Пежо». А еще в десяти-пятнадцати метрах сзади мелькнула неприметная салатного цвета «девятка». Гуров довольно хмыкнул: парни из СВН не лопухнулись, четко прищемили его неожиданно отросший «хвостик» еще на Электрозаводской, дальнейшее – дело техники.

Он минуты три потоптался в небольшом дворике, созерцая привычный до боли пейзаж – мусорные баки да закамневшее на морозе, чуть припорошенное свежим снежком собачье дерьмо. Пара хилых рябинок у подъезда стандартной хрущевки, под рябинками столь же хилые лавочки, на одной из которых восседает холодоустойчивая старушка, не сводящая с него пристального, подозрительного взгляда. Но из-под арки, через которую Лев так демонстративно, нарочито медленно проник в этот проходной дворик, так никто и не появился.

Он пожал плечами, пересек дворик наискосок и, пройдя по узкой тропке между гаражами, оказался на соседней улице. Через пять минут Гуров уже звонил в квартиру Липкина на 16-й Парковой.

– Настоящий чай, – кивая, как китайский болванчик – лишь бы не обидеть старика! – слушал Лев через десять минут чуть дребезжащий голос Липкина, – вы, молодежь, заваривать не умеете в принципе! Все лишь бы поскорее. А это ведь тоже целая наука. Вот пускай заварочка попреет у нас, попреет... Под полотенчиком махровым. Специаль-

ным таким. Особенным. Мы же тем временем подумаем. Повспоминаем кое-что. Ты меня не стесняйся, это я на лицо ужасный, старость, знаешь ли. А внутри – добрый, как в известной песенке. Выпить хочешь? Настоящий коллекционный бренди, а не те помои, которые под этим названием в богоспасаемом отечестве продаются. Я вот хочу. Пока чаек настаивается. Это мне профессор Ричард Бредфорд презентовал, посылочка аж из Глазго пришла, как ни странно, не сперли на почте. Малышка Дик себя моим учеником считает – вроде мелочь, а приятно. Правда, он хоть и профессором заделался, но все ж туповат. Всегда таким был. Мы с ним с шестидесятого переписываемся, да-да, была у меня такая привилегия, а ты не знал? Что Англия, мне даже из трижды проклятой нашими мудаками ЮАР писали. А я им. Не шокирую тебя, нет? Просто кошку надо называть кошкой, а наших правителей – мудаками. Вне зависимости от социального строя и прочей мути, такова уж судьба этой несчастной, но очень любимой мною страны. Но не будем о грустном. Напиток впрямь хорош. Так что наливай себе. Не стесняйся. Побольше, я хоть и еврей, но не жадный. Во-от, молодец! Подумаешь, за рулем... Знаю я вас, юную поросль, ни черта вы гаишников не боитесь. Ах, они теперь ГИБДД? Надо же, запаматовал. Ну да все едино – лихоимцы, как ты их ни называй. Давай-ка я тоже еще один наперсточек шотландской самогонки опрокину. Хорошо пошла? Можешь повторить. Но перед этим еще раз подробненько расскажи мне про это

дело. Нет, бумажки мне твои, которые ты привез, не нужны. Акт тамошней экспертизы? Филькина грамота! По секрету скажу тебе, как родному, – ваши нынешние эксперты... знаешь, они кто? Ладно, не буду тебя в краску вгонять. Досадно, что на иврите материться невозможно, вот нету мата на иврите! Это мои предки чего-то недодумали.

Гуров вдруг понял, что Семен Семенович говорит с ним почти машинально, на автопилоте, а взгляд старого эксперта стал совсем отсутствующим, погрузился куда-то далеко внутрь, в себя. А это означало только одно: под неуклюже вылепленным, почти обезьяньим, с могучими неандертальскими надбровными дугами лбом пошла такой мощи аналитическая работа, что куда там суперкомпьютерам.

Все же, брезгливо прочитав копию акта экспертизы из Светлораднецка, а затем выслушав зачем-то ничего не добавившего к этой хилой информации сыщика в третий раз, Липкин замолчал минут на десять. Он то шумно прихлебывал по особым, простым смертным неведомым правилам заваренный чаек, то коротко хмыкал, потирая смешно скошенный, усыпанный седой щетиной подбородок, то просто смотрел на Льва выпуклыми поблекшими глазами, явно не замечая его. Гуров терпеливо ждал. И дождался.

– Я вижу только одну возможность, – пристукнув суховатым кулачком по кухонному столу, категорично сказал Липкин. – Ее, эту Алину Васильевну, отравили карбонилами. Да! Только так. И никак иначе. Я вспомнил. Приблизитель-

но таким же образом в мир иной отправили лорда Кенсингвилла, второго виконта Тренсборо в Бомбее, еще до войны, в тридцать пятом году. Его внучатый племянник вступил в сговор с дочерью виконта, она была единственной наследницей и развратной стареющей дурой, а он – талантливым молодым химиком и отпетым мерзавцем. Оба остро нуждались в деньгах, а лорд был еще очень крепок. Уличили их, вообще говоря, случайно. Но поймали, шалунов этаких. После чего аккуратно вздернули. Ах, молодцы англичане в этом вопросе. Были. Сейчас уже не те – излиберальничались. Евросоюз их испортил.

– Семен Семенович, – максимально вежливым, чуть ли не подобострастным тоном перебил старика Гуров, – можно подробнее про эти, как их... карбонилы? Я, честно говоря... У меня по химии что в школе, что позже – тройка, увы...

– Это ты зря, исключительно интересная наука, – Липкин издал крякающий смешок. – Крабы, креветки, а также прочие ракообразные тут ни при чем. Слово «карбонилы», Лева, происходит от латинского «карбон», сиречь – «уголь». Своего рода химическая экзотика, оч-чень необычные соединения переходных металлов с той самой окисью углерода. А знаешь, чем необычные? Ага, не знаешь!

Гуров сокрушенно развел руками, мол, где уж нам, серым! Чувствовалось, что разговор доставлял Семену Семеновичу колоссальное удовольствие, надо подыграть ветерану, тем более Лев и вправду впервые в жизни услышал об этих, как

их там?..

– Тем, – ответил Липкин, – что они, хоть и содержат тяжёлый атом металла, являются жидкостями, причем легколетучими.

Последнее слово Семен Семенович произнес по слогам, как бы жирно подчеркнул его. Посмотрев внимательно на Гурова – дошло ли? – старик продолжил:

– Летят – ф-р-р! – он слегка помахал перед физиономией слушателя кистями рук, видимо, изображая полет, – почище медицинского эфира. Но, в отличие от последнего, смертельно ядовиты. Куда убойней, чем просто угарный газ. Понятненько? Вижу, что понятненько, ну, я всегда верил, что ты не совсем безнадёжен.

– А местные эксперты? – Гуров помедлил. – Выходит, лопухнулись, не нашли?

– Чтобы найти, – хитро улыбнулся Семен Семенович, – следует по крайней мере знать, что ищешь. Здесь, если я прав, надо было искать именно металлы. Те самые, переходные, которые удерживают окись углерода в молекуле нашей отравы. Один из трех металлов – кобальт, никель или железо. Но это никому в голову не пришло. Что меня ничуть не удивляет.

– А почему же не пришло?

– Искали следы разобщителей. Ядов, сходных по действию с угаркой. Я тебе, не глядя в их писульку, скажу, какие вещества искали: цианиды, хлорорганику, арбин, может

быть, ризин. И не нашли, понятное дело! А эти металлы посмотреть не догадались, потому что они вообще неядовиты, разве кобальт... так, немного. Но убийца, если не дурак, взял карбонил никеля или железа.

– Так что, этот клятый никель с железом, они вообще неядовиты?

– Железо, между прочим, в состав гемоглобина нашей крови входит, – насмешливо ответил Липкин. – Отравиться им можно, отчего же. Если слопать за один присест килограмм стальной стружки, опилками чугунными закусив. Аналогично с никелем. Только вот картина клиническая существенно другая будет, хе-хе-хе! На тот свет жертва отправится от несварения желудка. С последующим запором и внутренним кровотечением. Нет, если пачку бритвенных лезвий проглотить, то можно меньше килограмма! Но если без шуток, то легкие трупа должны быть напичканы атомами какого-то из этих металлов. Под завязку! А посмотреть это – эрудиции ребяташкам не хватило. Они ж про лорда Кенсингвилла слыхом не слыхали. Так что проверяй ткани трупа, Лева. Легкие прежде всего. Что? Похоронили ее, говоришь? Ну не кремировали же, велика беда – эксгумируешь!

Подобная перспектива Гурова ох как не обрадовала, но ничего другого, похоже, не оставалось. Он с тоской подумал, как в Светлораднецке придется уговаривать вдового генерала, начальника местного ГУВД, согласиться на эксгумацию тела покойной супруги, и его заранее передернуло. Основа-

ния-то какие? Слова пенсионера Липкина? Хоть бы Беззубов знал, кто такой Семен Семенович! Кстати, еще одна, нет, две неясности...

– Не трудись задавать свои вопросы, – снова не без легкого ехидства хмыкнул старый криминалист, – они у тебя на лбу написаны. Крупными буквами. Отвечаю по порядку. Где можно разжиться подобной гадостью, да? Вообще говоря, эти вещества применяют в промышленном органическом синтезе. Но! Светлораднецкая область – это ж сельское хозяйство. Житница страны, как раньше говаривали. Никогда там подобных производств рядом не было. Мало того. Извлечь карбонилы из реактора... Гм-м! Я и то не справился бы. Так что ищи грамотного, талантливое, эрудированного химика. Такой вполне способен смастерить отраву сам. Из подручных материалов. Список нужного для этого оборудования я тебе составлю, подумаю вот только, как тебя провожу. Получишь завтра по мейлу. Я ж, как сейчас принято выражаться, «продвинутый», вот даже «Пентиумом» разжился. Смешно! Одной ногой в могиле, а все по «паутине» ползаю, интересно – сил нет, особенно порнографические сайты. Хе-хе-хе. Это я шучу так!

– А... – заикнулся было Лев.

– Бе-е! – оборвал его Липкин. – Старших перебивать невежливо, я же сказал – молчи. И слушай. Тебя интересует, как злоумышленник напустил отравы в кабинет. Так ведь? Не знаю. Это надо место преступления видеть. Разберешь-

ся сам, ежели у тебя голова, а не задница. Помни главное – очень летучие, очень! При двадцати градусах летят практически мгновенно. Кабинет с трупом был заперт? Хм-м... Если, скажем, жертва сидела рядом с входной дверью, а замочная скважина сквозная, то просто прыснуть из пульверизатора, да хоть из обычного шприца, в эту скважину кубиков пять. Или в щель под дверь. Тогда через минуту – готовьте белые тапочки.

– Заметила бы, услышала, удивилась, переполошилась, – робко возразил Гуров. – Потом... Прыскать? А если застукают с той стороны двери? Ну вот по коридору мимо идет кто-то по своим делам, а тут нате вам – прыскают.

– Я же говорю, – раздраженно пробурчал Липкин, – на месте прес-туп-ле-ния! Хотя... Я бы знаешь, как ее травил? А вот как...

Следующие пятнадцать минут Лев внимательно выслушивал план отравления карбонилами уже, увы, покойной завлабши «по Липкину». Невольно ловя себя при этом на мысли: какое все-таки счастье, что Семен Семенович всю жизнь был по эту сторону баррикад. А не по ту. С его умом, знаниями, эрудицией... Какой бы страшный преступник получился, бр-р-р, жуть берет!

– Вот хрен бы вы меня поймали, – торжествующе закончил старик. – Так что, если найдешь осколки стекла – они ж не искали! – особенно пирекса или молибденки, то можешь не сомневаться, все по моему сценарию происходило. Сра-

зу, значит, отдай найденные осколки этим косоруким – про-сти, Адонай, грешного старого еврея, – с позволения сказать, экспертам. Скажи им – пусть ищут металлы! Разрешаю со-слаться на мое мнение. Вот увидишь – найдут! Все понял? Запиши, а то забудешь. Знаю я вас, молодежь!

Когда Лев, от всей души поблагодарив Семена Семеновича за бесценную помощь, уже прощался с ним у входной двери, тот, потеряв свой чуть ернический тон, едва ли не со слезой в голосе сказал:

– Это тебе, Левушка, милый, спасибо, что пришел. Знал бы ты, как мне без работы тяжело. Боюсь, мозги плесенью покроются. Держи меня в курсе этого дела, очень тебя про-шу. Я, ей-богу, пригожусь еще. Будь здоров, мой хороший. Петеньке привет от меня и поклон всем в разбойной избе!

– В какой... избе? – несколько оторопев, переспросил Гу-ров.

– В нашей, в разбойной, в какой же еще? – Взгляд Лип-кина вновь блеснул молодым задором, в голосе опять про-резались иронически-ехидные нотки. – Знать надо славную историю родного учреждения. Именно так первая сыскная контора на святой Руси называлась: разбойная изба при вы-сокой Боярской думе! А патроном ее стала, как ни странно – по своей инициативе, Елена Глинская, супруга Василия Тре-тьего, маманя Иоанна Грозного. Предложила, знаешь ли, му-женьку в Москве порядок навести. Тот согласился. Видать, неплохо свою женушку знал. Редкостной стервозности ба-

бенка была. Но уж зато умна... А ты думал, российский сыск с тебя да со Стасика Крячко пошел? Хе-хе-хе... А лихо звучит – «разбойная изба», правда?

«Разбойная изба, – думал Гуров, выруливая на служебную стоянку перед управлением, – ну все, теперь я только так нашу шарагу называть стану».

Глава 3

Он даже не проснулся – чтобы проснуться, нужно спать, а назвать сном то дикое, выматывающее мозг, душу, тело состояние, из которого он не мог выбраться уже вторые сутки с лишним, не повернулся бы язык у самого злейшего его врага. Но пугающие картины полубреда отступили на время – он знал, что короткое! – и расфокусированный взгляд мутных глаз человека, лежащего на скомканном тюфяке поверх дощатого топчана, прошелся по комнате.

Его усмешка была горькой, как хина: продано все, а значит – спасения не предвидится. Нет никакой еды, как нет и холодильника, ушедшего за смешные деньги полтора месяца назад. Правда, есть не хочется. Думать о еде тошно. Из всей мебели осталась колченогая табуретка рядом с топчаном, кухонный стол да еще вешалка в коридоре. На табуретке – две его последние сигареты. Рядом с трубкой мобильного. Остается продать только его. Все равно оплачивать этот месяц нечем. Но как же он будет жить без связи? А вот так и будет – все равно никто больше в этом проклятом городе не выручит его столь необходимой дозой. Без дозы же он умрет прямо сегодня. Но зачем, скажите на милость, куда-то звонить, если не для того, чтобы выпросить желанную дозу? Не на работу же устраиваться! Он, пожалуй, наработает... Значит, шайтан с ним, с сотовым! Тогда, он вновь криво ухмыльнулся, с

трудом поднимаясь на трясущиеся ноги, тогда смерть подождет. Еще два денька. Или неделку, это как повезет... Цены наркодилеров он помнил назубок, может быть, это осталось единственным, что он помнил твердо, как таблицу умножения. По всему выходило, что, даже продав «трубу», ни на метадон, ни на вульгарную «герку» он не наскребет! Остается травка. Доза ее, так называемый «бокс», – спичечный коробок. В зависимости от качества и степени жадности торговца это от 1 до 10 долларов. «Либо Вашингтона, либо Линкольна отдай и не дергайся, – грустно подумал он. – А у меня с портретами американских президентов суровый напряг».

Ничто не выпивает человеческие силы, само желание жить дальше так быстро, так безжалостно, как осознание своего ничтожества!

Задыхаясь, останавливаясь через каждый шаг, он доковылял до грязного, запотевшего окна своей малогабаритки и с отвращением выглянул во двор. Зима в южной России на зиму-то не похожа, со злостью подумал он. Молочно-белый, акварельный туман укутал город, словно толстое теплое одеяло. Сразу стало сыро, как-то совсем не по-январски душно. Из распахнутой форточки мерзко пахло помойкой, кошками, мусорными отбросами.

Он ненавидел Светлораднецк. Ах, в горы бы сейчас, домой! Да вот только кому он там нужен? Позор семьи, рода, тейпа... А ведь как хорошо он начинал, как им гордились! Однокурсник и земляк, почти родственник – Руська Юсу-

пов – плакал, когда читал его стихи. Но Руслан вот пишет по-прежнему, на родине его уважают, даже здесь, в России, сквозь зубы говорят, что Юсупов – это да! Это поэт!

А он... Без дозы уже не то что стихи, двух слов-то связать не может! Стало горько почти до слез.

Но мобильник придется продать, иначе – точно какюк. Что-то подобное уже случилось с ним около полугода назад. Выручил его старый университетский приятель, такой же законченный наркоман. Выручил?

Он, благодаря товарищу, тогда остался жив, но уже через неделю не знал, радоваться этому или огорчаться.

Приговоренный к продаже по бросовой цене мобильник вдруг тихо закурлыкал, как бы напоминая хозяину: я тебе еще пригожусь!

– Слушаю, – на измятом лице еще молодого, но чудовищно побитого, изжеванного жизнью мужчины отразилось нешуточное изумление. – Дядя? Надо же, когда вы обо мне вспомнили. Что? Ну, вы превосходно знаете, в чем я сейчас нуждаюсь. Да. Теперь согласен. На все. Детали? Хорошо, я понял: встретимся завтра утром, в девять, у нового стадиона, где остановка маршрутки. Завтра у нас среда, я не ошибаюсь? Только не пугайтесь, внешний вид у меня далек от... От человеческого. Но предупреждаю – лучше прихватите с собой не деньги, а... Чтобы я сразу пришел в себя.

Небрежно бросив умолкнувшую трубку на табуретку, он взял одну из оставшихся сигарет, задумчиво повертел ее

в пальцах, положил обратно. Итак, нужно каким-то образом прожить еще чуть больше полусуток. А потом состоится встреча с человеком, которого он боялся больше всего на свете. «Ты согласен помочь мне, племянничек?» Еще бы нет: за дозу он сейчас к шайтану в пасть полезть готов! Хотя еще большой вопрос, кто круче – шайтан или его дядюшка... У русских про таких, как его драгоценный родственник, есть хорошая присказка: «В храм войдет – лампы гаснут». Так что, решив одну, хотя и самую важную сейчас проблему, можно накачать себе на шею десяток других. Что ж, философски рассудил он, чувствуя, как в предвкушении завтрашней дозы наркотика улучшается настроение, хотя трясло по-прежнему, как на вибростенде, что ж! Проблем в нашей жизни всегда хватает. Кончаются они разве что на кладбище, да и то лишь для усопшего, а для родственников оно, наоборот, их прибавляется.

Самое интересное заключалось в том, что после встречи утром в среду ему и впрямь полегчало. Дядя не подвел: уже через полтора часа он вколол свой «гонорар» в истонченную, исчезающую вену. Теперь... Теперь – что же, надо отработывать. Через сутки, которые ему милостиво дали, чтобы хоть немного прийти в себя. Тем более, ничего особо кошмарного от него не потребовали, так – театр одного актера. Нет, в известные неприятности влететь, конечно, очень даже вероятно, однако когда он подумал, каких услуг от него могли бы потребовать за четыре полные упаковки метилфета-

нила... Это ж не привычная «герка», это куда как покруче. Денег ему, правда, практически не дали – так, на дешевые сигареты хватит да перекусить пару раз. Бог с ними, к чему ему деньги, когда есть такое качественное зелье? Разве что завтра перед «делом» съесть хоть кусок чего-нибудь в «Казачьем стане», не на улице же ему объект поджидать по такой-то погоде, а в кавярне по крайней мере тепло!

Как и всегда, мощная доза сильного наркотика перенесла его в другой, особый, только его и ничей более мир. На такую любимую, такую близкую – рукой ведь подать! – и такую далекую родину. Где когда-то он был так счастлив!

* * *

Гурову утро среды досталось тяжело, он терпеть не мог чувствовать себя дураком, человеком темным и необразованным. Хотя бы речь шла о классическом балете или религиозных верованиях ацтеков. А на этот раз говорили о вещах еще более для него загадочных. Слава господу, беседа во ВНИИ стандартизации и метрологии закончилась довольно быстро. Лев прекрасно понимал, что закачать в него хотя бы немного больше о гостировании, сертификации и тарифной политике уже просто невозможно.

Выруливая к родной «разбойной избе», полковник Гуров умудрялся думать сразу о трех вещах. Куда там Юлию Цезарю! Во-первых, конечно же, ВНИИСМ...

На его робкую, но подкрепленную авторитетом генерала Орлова просьбу изложить кратенько самую суть гостирования и экспертной оценки любой – а в идеале светлораднецкой – продукции солидный, в стильных очках с настоящей черепаховой оправой, увенчанный благородной сединой завотделом, доктор экономических наук с готовностью откликнулся. Подумал, с чего начать, а затем спросил, что господин полковник знает о государственных и отраслевых стандартах.

Гуров уклончиво ответил, что это не его конек, но кое-что ему о них известно. Например, что они отличаются от негосударственных. И неотраслевых. Да, еще! У каждого государства они, наверное, разные.

Его ученый собеседник, чуточку изменившись в лице, поинтересовался, каково отношение Льва Ивановича к применению математической теории ошибок при определении гостирующих показателей пищевых продуктов. Гуров признался, что своего окончательного отношения к таковому еще не выработал, поскольку слышит о нем впервые в жизни.

Эксперт почему-то стал нервничать, протер очки и тихо осведомился, какие монографии о взаимодействии макроэкономических параметров, уровня стандартизации и тарифной политики его собеседник уже проштудировал. Лев чуть было не выпалил, что крупнейшими авторитетами в этом вопросе считает Корецкого и Маринину, но подумал, что такой ответ может огорчить симпатичного доктора эконо-

номических наук. Поэтому ограничился заявлением, что, по его глубокому убеждению, такое взаимодействие имеет место. В самом деле, а почему бы и нет? С одной стороны, параметры, с другой – тарифная политика... Что им еще делать, как не взаимодействовать?

Гуров невесело усмехнулся: все правильно, кто он такой? Волкодав, скорохват... Эх, стрельба-пальба, засады-погони... Оперативка родная, будь она неладна! А про свое высшее образование можно потихонечку забывать. Ладушки, с грехом пополам, но трех часов ликбеза ему хватило. К концу импровизированной лекции пот с симпатичного доктора экономических наук лил градом, да и Льву мало не показалось. Что делать, сам напросился. Стасу сейчас как бы не тяжелее в Светлораднецке.

Это была вторая тема его размышлений. Сутки назад, во вторник, Орлов огорошил его, только что вернувшегося со встречи с Липкиным, тем, что, виновато улыбаясь, сообщил Гурову – Станислав уже в пути. Сегодня вечером будет в Светлораднецке, завтра начнет внедряться. И то верно – чего зря время терять, его без того ушло немерено. Легенда? Да самая простая, без лишних изысков. Орлов по своим светлораднецким каналам выяснил, что не далее как месяц назад интересующий их университет прикупил выпускаемый по конверсии в Подольске флюориметр. Как раз в ту самую лабораторию.

Есть такая старая, с доперестроечных времен ехидная за-

гадка: что это такое – торчит в заднице и не трещит? Ответ: это – советская трещалка для задницы! Печально, но куда не денешься, отечественное научное оборудование чуть сложнее молотка отличается капризностью голливудской кинозвезды. Оно без доводки на месте зачастую работать не желает. Или работает так, что лучше бы не работало вовсе. Свежеприобретенный флюориметр исключением не стал, на завод пошла рекламация. Так вот, под видом инженера этого завода Крячко и отправился в Светлораднецк. Налаживать прибор, который он назвать-то правильно затруднялся.

– Но его же в момент расколят, Петр! – недовольно заметил Гуров.

– А фигу! – оптимистично возразил Орлов. – Дня три-четыре, плюс там выходные еще, вполне можно баки этим естествоиспытателям забивать. Покуривая между делом, чачек гоняя с коллективом, а может, и покрепче чего. И разного рода сведения из трепа этого коллектива выуживая, ты ж именно этого как раз хотел! Больше вам и не надо времени, тут уж либо все пойдет как по маслу, либо – упрутесь рогами в стену. Я не прав?

– Прав, – нехотя признал Лев, подумав, что рогами в стену – ох, как неохота, но и такое случается. Бывали прецеденты...

Итак, Станислав уже почти сутки на месте действия, из чего следует, что пора подтягиваться туда же Гурову. Это было третьим направлением его размышлений. Расписание

самолетов на Светлораднецк он просмотрел еще вчера, вчера же устроил традиционный прощальный ужин с Марией. Есть, правда, неясности с загадочными преследователями, вчерашним «хвостом», но это уж пусть Петр озаботится. Он хоть и генерал, оперативную хватку сохранил в полной мере.

Улыбнувшись на ходу Верочке, Лев проскочил приемную и оказался в кабинете Орлова. Об итогах визита во ВНИИ-ИСМ Гуров рассказал генералу кратко, а на вопрос того, принес ли этот визит реальную пользу, ответил, что кое-что он, конечно, понял. В частности, в какую головоломную кашу ему по милости господина Орлова предстоит нырнуть. А так – что... Из слепого котенка превратился в котенка же, но глазки чуток приоткрылись. Авось не сразу утопят, успеет побарахтаться.

– Как с билетом, Петр? Когда я лечу? У меня все с собой, включая верный шпалер. Лишь бы в самолет с ним пустили!

– Тебя непустишь, пожалуй!.. Вот через сорок минут и летишь. «Як-42» из Домодедова. С местными властями все обговорено, тебя встретят, возможно – сам генерал Беззубов, я с ним не далее как полчаса назад беседовал. Так что через три с половиной часа ты в Светлораднецке. Зайди в ПФО, деньги получи, билет и... удачи, сыщик! А с «хвостиком» твоим вчерашним я детально разберусь. Если меня тут без вас со Стасом этот желтоперый стервятник, – генерал кивнул в сторону канарейкиной клетки, которая на сей раз была укутана классической черной шалью и прежней сюрреали-

стической картины уже не представляла, – в гроб не вгонит.

Так, улыбаясь собственным мыслям, которые почему-то упорно крутились вокруг воображаемого батального полотна «Бой генерала Орлова с канарейкой», и насвистывая что-то легкомысленное, Лев Иванович Гуров ступил на светлораднецкую землю, а точнее – на бетонные плиты городского аэропорта, и тут же закрутил головой – где встречающие? Что, неужто впрямь лично генерал Беззубов почтит? Оно для избранного имиджа невредно бы...

Встречающие, однако, не торопились. Спустя несколько минут выяснилось, что те по некоторой провинциальной наивности, да еще наслушавшись от своего непосредственного начальства чего-то вроде «к нам едет ревизор!», ожидали, что на москвиче-важняке будет не иначе как парадная полковничья форма. С аксельбантами и церемониальной саблей на боку... А тут... Самый обычный мужик в гражданской, правда модной и дорогой кожаной куртке, брюки с ботинками неуставные, а на голове – вообще позор! – шляпа с зауженными полями! В руках «дипломат» какой-то несерьезного вида. Нет, где грозность? Такой трепета не внушит! Хотя было что-то такое в лице, в осанке приезжего, что пусть не трепет, а уважение вызывало сразу и безоговорочно.

Так что пока от черной, еще обкомовского вида «Волги» к Гурову двинулись-таки двое крепких мужчин с подполковничьими погонами, тот успел вполне оценить знобящий сырой ветер, швыряющий в лицо мелкую морось. Его порывы

морщили воду в испятнавших бетонку стылых лужах. Воистину нет мерзее сезона в южной России, нежели середина зимы. «Ну вот, – подумал Лев, здороваясь с встречающими его коллегами, – два подполковника хотя и не равны одному генерал-майору, но тоже неплохо. Но погодка же тут, однако! Если это безобразие называется январем...» Он вспомнил воскресную лыжную прогулку, заснеженный лес, и на душе вдруг заскребся целый выводок кошек. «Лишь бы не застрять здесь совсем уж надолго, – мелькнула мысль, – что-то у меня предчувствия неважные. А я привык к ним прислушиваться. Поэтому и живой еще».

За десять минут езды до города только и успели познакомиться, решить бытовые вопросы – для жилья Льву определили номер люкс ведомственной гостиницы в самом центре Светлораднеца, буквально в двух шагах от университета. Также получал полковник Гуров в безраздельное пользование новенький «Форд Галлопер». Лев обрадовался – машина отличная, а при мысли о том, какой взрыв энтузиазма это транспортное средство вызовет у автомобильного фаната Крячко, Гуров совсем повеселел. Особенно когда один из подполковников совершенно серьезно заметил, что при необходимости Гуров может рассчитывать хоть на тяжелый штурмовой танк – так вот Антон Павлович Беззубов распорядиться изволили. Лишь бы дело пошло. Кстати, когда господин полковник намерен встретиться с Антоном Павловичем? Ах, завтра утром? Прекрасно, мы так ему и передадим.

Собственно о деле, то есть о загадочной кончине супруги генерал-майора и прочих заморочках вокруг злосчастного НИИ химии, разговор пока не заходил. Гуров не хотел торопиться, хотя расследование, как оказалось, вел как раз один из встречающих – Виктор Павлович Калюжный, как и Лев – старший оперуполномоченный. Гуров перехватил несколько его брошенных искоса изучающих взглядов. Не сказать, чтобы особенно приятных. Да и в голосе, в приветливых вроде бы словах подполковника Калюжного прослушивалось явное: «А вот посмотрим, что ты за птица такая, хваленый варяг! Ишь, Шерлок Холмс столичный, а мы, значит, лапти?!» Лев прекрасно понимал светлораднецкого сыщика, он легко мог представить себе его невеселые мысли и надеялся лишь на то, что совместная работа расставит все по своим местам.

– А вот как раз наш университет, – Калюжный жестом указал на проплывающее за окном «Волги» мощное трехэтажное здание сталинского ампира с пристройкой из стекла и бетона, находящейся с этим зданием в чудовищной дисгармонии. – Этот самый корпус, тут все и случилось. Знать бы еще, что «все»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.